

"Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота бабманок,
Сняв с ног, бросали".
Василий Жуковский "Светлана"

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, что имя Светлана — литературно-искусственное? В святцах его не было и нет. Всех Светочек нарекают при крещении Фотиния, что являет собой перевод с русско-романтического — на греческий, ибо Фотиния — это светлая. Имя изобрёл даже не Василий Жуковский, а его старший коллега — Александр Востоков, издавший поэму "Светлана и Мстислав".

Начало впечатляющее и словно бы знакомое: "Светлана в Киеве счастливым / Красой и младостью цела / И изю всех красавиц дивом / При княжеском дворе была". Действие происходило при дворе Владимира Красно Солнышко, что, да вообще живёного вспоминается вовсе не "Светлана" Жуковского, а "Руслан и Людмила", где Наше Всё также использовал "древнеславянские" наречения, создавая "вселенную" фантазийного Киева.

Романтизм по-русски был калькой с немецкого и, как писал тот же Пушкин о наивном Ленском: "Он из Германии туманной привёз учёности плоды", и не только учёности, но и гуманитарно-возвышенных склонностей, замешанных на опозитизированном мистицизме. Не все заимствования — уродливы. Кроме того, наш романтизм стал важной вехой в развитии общества и базой для национального самосознания.

Чем отличается классический романтизм от советского? Тем, что советский был устремлён в будущее, а классический — в прошлое. Именно там плиты, романтисты, художники и скульпторы искали источник вдохновения. Европейское Средневековье и допетровская Русь наилучшим образом годились для этого. Отсюда — Людмилы да Светланы, гридницы, опашни, секиры, енды, братины.

А ВОТ И ЗНАКОМЫЙ всем портрет Василия Жуковского работы Ореста Кипренского! Мы на выставке "Легенды Кремля: русский романтизм и Оружейная палата", проходящей сразу в двух залах — в Патриаршем дворце и Успенской звоннице. Давно замечено, что московские проекты часто "перекликаются". Так, в Историческом музее работает экспозиция "Петергоф. Сокровища русской императрицы", обращённая к супруге Николая I — Шарлотте Прусской, получившей после крещения имя Александры Фёдоровны. Государыня слыла поклонницей романтической неоготики, носила прозвище Белая Роза и большую часть времени посвящала чтению "рыцарских" романов, написанных её современниками, в частности, Вальтером Скоттом.

"Легенды Кремля" — продолжение темы, но уже со славянским уклоном, и мы наблюдаем портрет Шарлотты-Александры в полусказочном русском облачении: высоченный кокошник, фата, каменья, громоздкое ожерелье. Мода на допетровский шик возникла ещё на излёте Галантного века, при Екатерине Великой. На выставке можно увидеть портрет царевны Александры Павловны, дочери Павла I, в русском костюме — парчовый сарафан, коса, венец. Те убранства до 1830-х были неизбежны, имея характер сентиментально-патристической моды. Их отрегаламентировал и ввёл в придворный быт Николай I.

Почему проект назван "Легендами Кремля"? Представлены вещи с двойной историей, точнее, с выдуманной в XIX веке атрибуцией — с легендой вместо истины. Нам предлагают и вымысел, и явь — для сравнения. Допустим, шлем, изготовленный для царя Михаила Фёдоровича, но приписанный князю Александру Невскому. Во-первых, так интереснее, круче, "стариннее", а во-вторых, в XIX веке практически не существовало научных методов атрибутирования. Сама история смахивала

больше на художественные выкладки, чем на фактологический анализ. Об археологии даже и говорить не приходится — тогдашние "копатели" разрушали культурные слои, делая ошибочные выводы, рассчитанные на громкий эффект.

Вот — детский доспех XVII столетия, однако, считалось, что он принадлежал юному Дмитрию Донскому. Некая байда — кольчатый доспех — значилась колынугой Марфы-посадницы, защитницы новгородской воли. Некоторое время ту же байдану записывали как доспех Бориса Годунова. Тут и парадная алебарда телохранителя Лжедмитрия I. Вроде как. На деле же мы не в курсе, кто держал её в своей могучей длани.

Нравилась громкие имена, приуроченность к событиям, загадочность и флёр тайны. Кстати, в Европах шело вошло то же — откуда-то появлялись "доспехи Зигфрида", увы, склёпанные

артефакты сомнительны с исторической точки зрения. Арчак представлен тут же, на одной из экспозиционных витрин. Рядом — настольное украшение "Олень" гамбургского производства 1630—1640-х годов, кубок-наутилус 1620-х годов, блюда, сосуды, элементы упряжи — все, созданные в XVII столетии, но художник явил их в числе сокровищ Иоанна.

Литовченко смешал все времена и стили, но это никого не волновало! История считалась "неточной" дисциплиной, и, когда пришли Сергей Соловьёв и Василий Ключевский (а у них тоже полно "баек" в исследовании, но всё же много меньше!), они совершили буквально переворот в науке.

Обыватель же по-прежнему изучал события по развлекательным книгам, среди коих лидировал "Юрий Милославский" Михаила Загоскина. Помните,

у них подослана была шкура белого медведя, а конская упряжь украшена множеством лисьих хвостов".

Сюжет "Юрия Милославского" — о Смутном времени, и его подзаголовок был "Русские в 1612 году". К слову, памятник предводителям народного ополчения 1612 года Минину и Пожарскому — дань всё тому же романтическому восприятию. На выставке сложно не заметить каминные часы "Минин и Пожарский", срабатанные, что примечательно, в Париже.

НЕСМОТЯ НА ТО, что выставка по большей части повествует о русской теме, здесь имеются и европейско-средневековые образцы, имеющие отдалённое отношение к реальности. Один из стендов посвящён празднику "Волшебство Белой розы", устроенному в честь Александры Фё-

Измительны рыцарские латы, со- оружённые в Златоусте для юного Александра Николаевича, будущего царя Александра II Освободителя. Какая-то пёстрая смесь Древнего Рима с поздним Ренессансом и — наплечники в виде львиных морд. Неподальку — миниатюрный портрет, созданный Алоизием Рокштулем — царевич, которому уж за 30, изображён в "максимилиановском" доспехе, вернее, в пересмысленной фантазии на тему доспеха. Сын романтически настроенной матери, воспитанник Василия Жуковского, Александр Николаевич с самого детства был погружён в атмосферу книжной рыцарственности. Это оказалось и хорошо, и плохо, как для самого монарха, так и для России в целом. Он всё воспринимал сквозь поэтико-художественную призму, полагая, что важные слова, деви- зы и красивые жесты.

ЭКСПОЗИЦИЮ ВЕНЧАЕТ живописный холст, рассказывающий о самой Оружейной палате, которая в далёком 1806 году получила статус музея. Картина "Залы Оружейной палаты в Кремле с групповым портретом сотрудников музея" написана художником Николаем Бурдиным в 1846 году по заказу Николая I. В центре композиции —

«Иван Грозный показывает свои сокровища английскому послу Горсею». Художник Александр Литовченко (1835 — 1890)

как голговетский Хлестаков нагло врал, что это — его сочинение? В 1830-х тот пассаж вызывал взрыв хохота — о господине Загоскине знали все, даже такие провинциально-незамутнённые дамы, как горючихиха и её дочь.

Динамичный роман был все рекорды популярности. Описание волновало изысками: "Впереди в светло-голубых кафтанах ехали верхами двое друзей; позади их в небольших санках вёз икону малолетний брат невесты, которая вместе с отцом своим ехала в выкрашенных малиновою краскою санях, обитых внутри кармазиновой обьярью; под ногами

доровны в Потсдаме в 1829 году. Все, включая царя с царшей и прусских родственников, были одеты "как в XV веке", то есть в стилизованные платья. Кавалькады, состязания трубадуров, имитация рыцарского турнира, костюмированный бал — эту череду великопленных действ государыня запомнила, как лучший день в своей жизни. Вот — орден Белой розы, выполненный в форме цветка — он предназначался каждому из участников маскарада. Точно такой же орден экспонируется в Историческом музее в рамках проекта "Петергоф. Сокровища русской императрицы".

тот самый писатель, автор бестселлера Михаил Загоскин, получивший должность главы Оружейной палаты.

Выставка не только информативна и занимательна, но и демонстрирует значимый тезис: наука история, как и прочие дисциплины, совершенствуется, и то, что казалось неизбежно верным ещё сто-двести лет назад, сейчас рождает улыбку, да и как не усмехнуться при виде "посоха Ивана Калиты", сделанного почему-то в XVII столетии... Фальсификация истории? Нет! Легенда!

Галина ИВАНКИНА

ТОБОЛЬСК СОБИРАЮЩИЙ

Город умной красоты

ЧЕГО НАМ СЕГОДНЯ не хватает? В чём мы нуждаемся, как в воздухе? В сплочении. Сегодня каждый из нас сам по себе, наедине со своими чувствами, замыслами и делами. Русские — одиночки. Парадоксальным образом патриотизм нас чаще разделяет, нежели объединяет. Мы утратили общее пространство понимания. Мы не знаем, на каком языке говорить, чтобы слышать друг друга. Православие отпугивает прагматиков, прагматика — эзотериков, эзотерика — сторонников "красной" России, идеалы СССР — верующих. Поразительно завидное единство "клеветников России" на ментальном и институциональном уровнях выступает колоссом на фоне частных инициатив и порывов русских по духу людей.

Центром нашего сплочения сегодня становится Тобольск — старинный русский город, воцарившийся на высоком берегу могучего Иртыша. Широко небо, раскинувшееся над поселением, его неспешные ритмы, тишина, позволяющая услышать колокола и сказанное слово, вмещает человека созерцающего. Здесь можно жить человеческой жизнью. Мыслить, работать, общаться, видеть сны и помнить их.

Тобольск — сердце России, географический, исторический, но главное — смыслообразующий центр. Именно здесь в XVI веке Московия стала Российской империей, когда Ермак в решающей схватке с ханом Кучумом на Чувашском мысу победил его и присоединил Сибирь. В Ермаке воплотился русский дух, собирающий разрозненное множество в мощное единство, собор, державу.

Сегодня Тобольск — центр стяжания русского духа. Наши духовные территории сегодня утратили единство. Не Кучум — наш враг, а наша внутренняя разрозненность, невозможность найти основу для сплочения. Что может объединить нас? Символы, живое доопределение которых делает нас причастниками общих смыслов. Тобольск открывает пространство современных символов русского сознания.

Десять лет назад здесь учреждена Всероссийская премия имени Фёдора Конюхова. Кто такой Конюхов? Конюхов — образец отваги и высокого служения, тот, кто прославил идею пути — внешнего и внутреннего в их согласии. Он не просто известный путешественник, рекордсмен, покоривший вершины, моря и расстояния, но художник, писатель и священнослужитель. Все его деяния предстают в свете божественного взгляда, а не земного. Как признаётся сам Конюхов, "когда мне говорят об адреналине, я не понимаю, о чём меня спрашивают". Конюхов — символ равновесного познания себя и мира на пределе, на максимуме возможного перед лицом Бога и во славу отечеству. В XX веке нашу историю озарил полёт Гагарина в космос, сегодня наши духовные координаты воплотились в лице подвижника Конюхова.

Сама идея учредить премию имени Конюхова, которая принадлежит благотворительному фонду "Возрождение Тобольска" и лично Аркадию Гри-

горьевичу Елфимову, событие в жизни нашего сознания. Найти, создать, уловить, не сфальшивив, в череде наших будней образ, который отвечает бы нашим глубинным чаяниям, или, говоря на языке законодателя, традиционным духовно-наравственным ценностям — не в этом ли наша насущная потребность? Мы выдвигаем Конюхова на шит не как уникальную персоналию, но как символ нашего самосознания. Не Робинзон Крузо — наш культурный герой, как полагают официальные власти Тюменской области, учредившие смотр-конкурс по туристско-краеведческой деятельности имени этого литературного персонажа, а Фёдор Конюхов, тот, кто олицетворяет позитивные начала в нашей культуре, а не самоотрицание и рудобобию. Стоит напомнить, что автор романа о Робинзоне Даниэль Дефо, как замечает А.Г. Елфимов, широко транслировал идеи о варварстве русских, их дикости и свирепости, в том числе устами своего персонажа, называвшего русских плочу управляемой толпой рабов.

Премия Конюхова, подобно духовному магниту, ежегодно собирает людей, причастных служению России, и каждый из них на своём поприще совершает своё подвижническое дело. Как некогда говорил Н.В. Гоголь губернатору, который хотел покинуть свой пост и уйти в монастырь: "Монастырь ваш — Россия". Монастырь наш — Россия, повторим мы. Не нужно удаляться от людей и делать нечто исключительное, чтобы служить Родине и тем самым — Богу. Просторы России велики, огромные пространства её не тронуты нашим трудом, они молча вперли в нас свои взоры и ждут своих богатырей. Премия Конюхова развивает социальные барьеры, зачастую так охраняемые современными патриотами, превращающими свои начинания в своего рода субкультуру. Премия открыта для художников, поэтов, писателей, военных, предпринимателей, священников, мценатов, политиков, педагогов, журналистов, музыкантов, спортсменов, режиссёров, фотографов и учёных.

В этом году в номинации "Персона" награды удостоились писатель и президент Академии наук Чеченской республики Джамбулат Вахидович Умаров "за выдающийся вклад в утверждение и отстаивание идеологических приоритетов", а также предприниматель, стоящий у истоков создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, Григорий Михайлович Голосапов — "за выдающиеся заслуги в развитии Тюменского региона". В номинации "Слово" премии получили писатель и журналист Фёдор Ибатович Раззаков "за создание произведений, определяющих и вершину литературно-публицистического мастерства, и величину жизненных знаний", и поэт Юрий Петрович Перминов "за высокоталантливое служение русской поэзии и многолетние труды по сохранению духовно-исторической самобытности русского народа". В номинации "Образ" был отмечен художник Иван Евгеньевич Лукьянов — "за создание уникального поэтического стиля книжного искусства, раскрывающего красоту и эстетику Сибири", а в номинации

"Благое дело" — бизнесмен Анатолий Михайлович Киреев "за активную общественную позицию, благотворительную поддержку издательских и просветительских инициатив, направленных на бережение исторической памяти". В номинации "Память" премию получил философ Фёдор Иванович Гиренко "за историческую и социальную значимость философских трудов и разработку глубинных ресурсов русского языка", а в номинации "Преодоление" — советский лыжник, четырёхкратный олимпийский чемпион Николай Семёнович Зимятков "за исключительное мужество и силу духа". В номинации "Будущее России" были награждены юный дзюдоист Адам Ильдирович Алеев, который, имея инвалидность, одерживает победы, соревнуясь со сверстниками, не имеющими ограничений по здоровью; юная певица Влада Александровна Куренёва и хореографический ансамбль "Мгновение". Торжественную церемонию украсил музыкальный концертный номер "Шалаягин — голос России", приуроченный к 150-летию со дня рождения выдающегося русского певца. Любимые песни Шалаягина в исполнении баса Фёдора Тарасова органично дополняются проникновенными монологами из автобиографической книги Шалаягина "Маска и душа" в исполнении актёра Олега Вирозуба.

ТОБОЛЬСК ПРЕДЛАГАЕТ нам опыт, как выразился бы Павел Флоренский, конкретной метафизики. Или, говоря иначе, воплощённых смыслов, живого единства тела и смысла, явленности идеального. Парк "Ермаково поле" тому зримый пример. Он представляет собой не просто территорию с историческим видом на Чуваший мыс, подвижнически расчищающему и облагораживаемую её создателем А.Г. Елфимовым, но место умной красоты, очевидности смыслов и наглядного присутствия современной русской культуры. Квинтэссенция парка, вобравшего в себя райскую красоту уникальных растений — деревьев, кустарников и цветов, — липовая роща, неспростанно называемая номинантами премии Конюхова и друзьями Тобольска, людьми, животворящими своим непосредственным присутствием и делом русскую культуру. Если Бессмертный полк — воплощение нашей памяти, удерживающей нас в сознании, то липовая роща — это воплощение нашего настоящего, сопряжённого с надеждой на будущее и верой в непреходящее предназначение.

Современное русское искусство предстаёт в скульптурных и архитектурных произведениях парка. Здесь мы встретим пример археоавангарда — органичного сочетания древней традиции и новаторства — часовню в честь святого великомученика Дмитрия Солунского, величественную в своей простоте и лаконичности форм. Стилистика часовня, автором которой выступил Алексей Белоусов, продолжает архитектурную линию А. Щусева, идейно же, обращаясь к святому Дмитрию Солунскому, служит символическим напоминанием о том, что именно в день памяти этого

подвижника Ермаком были окончательно разбиты войска и взята столица Сибирского ханства. Ермаку в парке посвящена скульптура работы Константина Кубышкина, изображающая удалого атамана, и поклопный гранитный крест авторства Сергея Мильченко — современная интерпретация древнего новгородского искусства. Геометрически сочетая, согласно новгородской традиции, крест и круг, на метафизическом уровне композиция представляет гармонию небесного и земного смыслов. Вершина креста задана образом Спаса и святых, в основании креста изображён Ермак, ведомый за руку ангелом. Фраза из летописи на оборотной стороне креста артикулирует идею осеённости дольного светом горнего: "Ермак — великий князь Сибирский от Бога пришёл, Богом был ведом и Бога после себя оставил в сердце русского народа, открыв нам силу Веры и силу Духа".

Рук Мильченко также принадлежит парковая скульптура Аввакума, обращающая нас не только к историческому знанию о пребывании протопопа в Тобольске во время преследования властей, но главное — своим облик — к тому смыслу, который стоит за роковым событием раскола русской церкви. В расколе, как говорил Н. Трубецкой, выражается стремление народной стихии к самостоятельности, здоровый национальный инстинкт, протестующий против иноземного влияния. Аввакум Мильченко смирен, как Христос, он не привлекает внимания к себе, не рвёт на себе волосы, не про- рочесствует и не обличает, он молча ждёт, пока мы обратимся к себе.

Колоссом вырастает в парке памятник Дмитрию Ивановичу Менделееву, тобою и прославителю русской науки и мысли. Автор художественного высказывания Алексей Белоусов вознёс его бюст к небесам, воздвизнул на многометровую колонну. Мы смотрим и в своём смиреннии возвышаемся до той идеи, что определяет русскую культуру.

У вида, открывающегося на Чуваший мыс, стоит скульптурное изображение Василия Ивановича Сурикова, сибиряка, приезжавшего несколько раз в Тобольск, чтобы увидеть свинцовые воды Иртыша и написать своё полотно "Покорение Сибири Ермаком Тимофеевичем". Автор Михаил Переславцев изобразил художника художником — не личностью, но тем, чья суть совпадает с его делом. Эта скульптура — уменьшенная копия памятника 2003 года, расположенного в Москве на улице Пречистенка.

Смотровую площадку парка украшает скульптура ангела автора Владимира Шарпова. Впрочем, это ангел лишь по названию. Перед нами образ нераздельно неслиянного союза земного и божественного начал. Неотмирный лик и крылья тонкого стана уравновешены крутыми плотордными бедрами. Как говорил Г.П. Фёдоров, не стоит определять русских через одну идею, мимизм, вернее — говорить о полиасах, которые задают "русскость". С одной стороны, мы видим страничку, эсхатологический тип, с другой — строителя, спокойный, мудрый, стойкий тип почвенников. В. Шарпов, словно уловив многомерность русской мечты, запечатлел в этом памятнике образ органичного двудетства.

Тобольск, наряду с Вяткой, Архангельском, Юрьевцем и другими русскими городами, где собираются пассионарии, подводит нас к мысли о том, что центр России сегодня перемещается в провинцию. Там мысль, живое чувство и дело.

Наталья РОСТОВА

МАМЛЕЕВ

Метафизический реалист

Мы продолжаем презентацию проекта "Светочи", размещённого на сайте zavtra.ru. Проект посвящён выдающимся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газетой "Завтра".

ВСЁ, О ЧЁМ, начиная с отшельных ещё "Шатунов", "наполненных жутью, страшными, нечеловеческими картинами и образами, чертовщиной", писал в своей прозе Юрий Витальевич Мамлеев (11 декабря 1931 г. — 25 октября 2015 г.), в эпоху "перестройки" и "рыночных реформ" вывернулось в наше бытие "лихих девяностых" и во многом стало этим бытием — откуда? Из небытия? Из инобытия? Из нибытия? Более того, эта реальность кливет и сегодня, в том числе через кривое зеркало "евромайданной" Украины, в котором мы (кто с отвращением и отрицанием, а кто с тягостной болью) узнаём и свои собственные черты: кем тоже могли стать, всё-таки избежав подобной судьбы. То есть налицо не просто некие исторические факты, но мощный действующий фактор, который не позволяет отпавить творческое наследие этого писателя и философа на дальнюю полку или в архивные файлы, чтобы благополучно забыть о них.

"Познай, где свет — поймёшь, где тьма", — утверждал Александр Блок. Справедливо ли обратное утверждение? Нужно ли стремиться и пытаться проявить в метафизической тьме "пласты неуправленного бытия" — да и есть ли таковые, или же они создаются только нашим "Я"? Соответственно, был ли Мамлеев проводником инфернального зла в наш мир или же одним из исследователей и разведчиков этой метафизической бездны, "тайных фактов, жёсткость которых невозможно преодолеть без знания их"? А главное, в какой мере здесь может присутствовать такое "или"?

"Только учитывая, что Это (т. е. временное Я, формирующее индивидуальность данного существа) является на самом деле лже-Я, маской, за которой скрывается вечное, непостижимое, бессмертное, божественное Я каждого человека — только осознав это, можно отбросить страшный сон о себе как о смертном (тварном) существе" — писал Юрий Мамлеев в работе "Судьба бытия", и, приводя пример Льва Толстого, констатировал: "Свободное уникальное познание собственного Я как бессмертного начала имеет, несомненно, глубокие корни в русской традиции".

Эти корни, по мнению и по примеру самого Мамлеева, нельзя, ибо бессмысленно, сводить к одной только линии Гоголь — Достоевский — Белый/Сологуб — Булгаков — они, эти корни, сами возникают как следствие "глубоко присущей человеку вообще и к тому же неотделимой от русской традиции" духовной жажды. Неотъемлемой частью русской традиции теперь можно считать и собиравшийся вокруг Мамлеева чуть ли не с конца 50-х "южнинский кружок", кочевавший по Москве "странную компанию вольхов, безумцев, эзотериков, шутов гороховых, мистиков, прорицателей". И этот кружок, к которому на разных этапах его существования были причастны многие будущие авторы газет "День" и "Завтра" (сам Александр Проханов, Александр Дугин, Георгий Джемаль, Евгений Головин и другие) не был случайностью, что подчёркивается и самим фактом его существования на протяжении более чем полутора десятилетий, вплоть до эмиграции "отца-основателя" за рубеж в 1974 году, и последующими трансформациями его участников. Без соответствующей социально-культурной среды такой феномен был бы невозможен. "Постласталинский СССР был идеальным фоном для того क्रомешного возрождения духа, что практиковала южнинская компания. Живая память о войне и репрессиях — общество, пережившее катастрофу и ещё не вошедшее в тусклую норму... Относительная либерализация, безопасность любых поисков и практик, если они носили непубличный и неполитический характер. Масса свободного времени, возможность стесненного, но более или менее благополучного существования без заботы о завтрашнем дне... Отказываясь от амбиций в официальной культуре, люди 1950-х—1960-х могли чувствовать себя аристократами духа, избалованными от бытовой суеты", — подобный взгляд в прошлое, пусть и либеральный, имеет смысл.

ВАЖНО ЕЩЁ И ТО, что сам Мамлеев при этом "в жизни был интеллигентным и тихим, по виду скромным учителем математики, которым он в действительности и работал в вечерней школе". А в "южнинской" вечерней школе он, скорее всего, был не только учителем, но и директором, который заодно преподавал некий синтез математики и психиатрии, пусть даже одобренный "эзотерикой под дождь" и прочими рискованными эскзерсисами своих слушателей-учеников, выпавших из нормы как догмы. И он учил, что "образ глужебо идеи". Если кого-то после этого измучило преображение писателя по возвращении его из американско-французской эмиграции (или из длительной, растянувшейся почти на 17 лет загранкомандировки?) фактически уже не в СССР, а в "новую Россию", его переход от "советской инферальности", от "русского ада" к "России вечной", если кто-то понимает это как "экзистенциальную подлость" и "измену собственной гениальности с чужой идеологией", то, может быть, эти люди, в отличие от Юрия Витальевича, просто не чувствовали сдвиги в сферах метафизического бытия, неразрывно, хотя вовсе не напрямую, узвязанные со сдвигами в сферах бытия физического?

При этом любовь к России, по Мамлееву, "не может быть заменена, компенсирована ничем вообще: ни предполагаемым будущим благополучием на этой планете, ни даже бытием в иных духовно-космических сферах", — что уж говорить о других цивилизациях и странах мира, особенно в тех, которые любви к России не испытывают? Да, это был человек, который "творил беззаветно и безоглядно, повинувшись лишь вспыхивающему своему внутреннему художественному огню. Он творил ради творчества, как ребёнок живёт ради жизни. Таких людей мало на Земле..."

Владимир ВИННИКОВ